

СПЕЦИФИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ПОЛЬСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Е.В. Федюкина

В данной статье, посвященной проблемам словесного выражения культуры Православия в Польше, делается попытка проанализировать феномен православной культуры, развивающейся в условиях католического окружения, сквозь призму **слова** как основного элемента, аккумулирующего заложенное в этой культуре содержание. Познание особенностей лингвокультурной среды изучаемого региона предполагает изучение взаимопроникновения этнолингвистических, аксиологических и конфессиональных факторов. Необходимо учитывать также ту глубинную связь, которая существует между словесной христианской культурой и Священным Писанием как ее основой. В статье рассматриваются преимущественно этноязыковые аспекты синхронного среза понятия «православная культура» применительно к современной Польше. В центре внимания статьи – единое культурное поле, сложившееся на востоке Польши под влиянием как восточнославянских (с церковнославянской составляющей), так и польского языков.

Остановимся вкратце на самом определении понятия «православная культура», важного для нас по причине его сопряжения с языковой деятельностью. Точных дефиниций этого понятия современная наука не дает. К началу XX века в трудах богословствующих философов созрело понимание **православной культуры как, прежде всего, созидательной культуры, представляющей гармоническое сотворчество, взаимодействие двух миров: материального и идеального**¹. В трудах современных авторов, продолжающих традиции национальной философской мысли, принципиальное назначение любой культуры воспринимается как преодоление нецельности, фрагментарности, двойственности мира, его расколотости на материальную и идеальную стороны². Для нас важно то, что культура воспринимается ее исследователями именно как деятельность (по словам Ивана Ильина, христианская культура есть «великое и претрудное, обязывающее и ответственное *дело*» *<курсив автора>*)³. Знаменательно то, что и сам язык начал трактоваться в лингвистике вслед за Гумбольдтом как деятельность. Достаточно вспомнить его известное изречение: «Язык не орудие ..., а деятельность»⁴. Глубина и конструктивность такого подхода позволяют постичь смысл и раскрыть грани такого многопланового явления, каким является современная православная культура. Отметим, что постановления Архиерейского собора РПЦ определяют миссию православной культуры как «творческое отображение вечной и неизменной истины Православия в постоянно изменяющейся реальности»⁵. В связи с этим культуру Православия можно трактовать, прежде всего, как возрождающуюся на наших глазах традицию, укорененную в православном сознании, для которого свойст-

венно отношение к жизни как к творческой деятельности человека по воплощению высших идеалов в отношении к самому себе и миру. Рамки этой культуры, таким образом, обусловлены многообразием творческой деятельности человека, преобразующего и постигающего окружающую его действительность. Наряду с церковной архитектурой, живописью, музыкальной культурой, православной этикой в широком смысле слова⁶ – это прежде всего и богатейшая культура слова. Исследование языка, словесной оболочки современной культуры, как живой нити в ткани увядающей культуры современности, предполагает проникновение во все многообразие ее проявлений.

Православная культура, или культура восточного христианства, представляется явлением живым, продуктивным, не потерявшим магистрального пути развития, который открыл перед ней высоты возрождения. Характерно, что такое возрождение имеет место не только в странах относительно однородных по конфессиональному признаку (Греция, Болгария, Россия), но также и там (причем даже более интенсивно), где православные составляют ничтожное меньшинство, как происходит, в частности, в Польше. Подъем православной культуры в Польше, будучи явлением оригинальным, самобытным и разносторонним, несомненно, требует глубокого изучения. Наш подход – лингвокультурологический – призван выявить в этом явлении языковую и внеязыковую специфику, определить его характер и закономерности, что позволяет расширить диапазон междисциплинарных исследований.

Известный русский философ XX века А.Ф. Лосев отмечал, что действительность становится живой реальностью только тогда, когда начинает говорить и, открываясь через имя каждому «разумному оку», помогает себя осмысленно понять, оформить и усвоить⁷.

Мысль эта может послужить ключом для изучения православной культуры как культуры, укорененной в слове, выражающей себя через слово, неразрывно связанной с ним. Словесная культура является средой существования народа, а слово как фундамент и первооснова процесса мышления сосредоточивает опыт и специфику народного сознания. Письменное слово, привитое на польской земле учениками славянских просветителей Кирилла и Мефодия в его церковно-славянской форме, пережив более чем тысячелетние испытания, сохранилось в границах современной Польши благодаря Православию до сегодняшнего дня. Это принципиальное положение не приемлется и оспаривается определенными общественно-политическими и интеллектуальными кругами в Польше, пропагандирующими идею о чужеродности, привнесенности извне православной веры на почву польского ареала западнохристианской цивилизации. Миф о «руке» Москвы, Православии как орудии «русификации», к сожалению, довольно прочно укоренился в польском общественном сознании. На фоне такой установки обоснование автохтонности Православия, его участия не только в истории, но и в культуре Польши, а также отражения в языке чрезвычайно актуально в деле восстановления исторически верной и целостной картины духовно-религиозной жизни народов, населяющих польские земли.

Затрагиваемая нами тема представляет интерес и с религиозной, и с языковой стороны. В истории религий вопросы языка всегда являлись насущными. В становлении культур различного типа язык играл синтезирующую роль. Для православной культуры, развивающейся в рамках единого государственного образования (Речи Посполитой), но на почве языков различных этносов, представляющих различные языковые подгруппы (восточнославянских и доминирующего западнославянского), вопрос языка всегда имел особое значение. Он связан также (что имеет принципиальное значение для исследуемой проблемы) с укорененностью этих языков в различных цивилизационных кругах: западного – латинского (*Slavia Romana*), либо восточного – греческого (*Slavia Orthodoxa*) христианства. Следуя терминологии Н.Я. Данилевского, это различные культурно-исторические типы с различными магистральными путями развития⁸.

На рассматриваемом ареале в силу взаимодействия различных этносов, языков и культур сложилась уникальная в лингво-культурно-историческом плане ситуация, которая служит благодатным полем для многосторонних исследований. Одна из ее граней, обозначенная нами как проблема отражения религии в языке населения православного ареала Польши, безусловно, представляет для науки большой интерес. Решение этой проблемы помогает понять специфику, проникнуть в особенности содержания надэтнической по характеру культуры Православия в ее локальном варианте, который есть не что иное, как одна из культурно-исторической форм бытия этой культуры.

Научному исследованию проблем взаимодействия языка и культуры в регионе белорусско-польского пограничья в плане изучения различных аспектов восточнославянской культуры, а также взаимовлиянию культур данного региона посвящены многочисленные труды московских ученых Ю.А. Лабынцева и Л.А. Щавинской. Ученые Польши в последнее время активизировали изыскания по изучению православных корней польской культуры, истории самой православной культуры и роли христианской духовности как движущей силы культурной жизни Речи Посполитой. Ныне особую активность в этой области проявляет Институт истории культур пограничья при историческом факультете Белостокского университета. В рамках сквозных исследовательских тем проводятся конференции, издаются серьезные сборники и монографии. Институт активно разрабатывает тему «Религиозная культура общностей пограничья». Плодом научных изысканий явился целый ряд научных трудов. В их числе сборники: «Православная Церковь в Речи Посполитой и соседних странах» под ред. П. Хомика (2001), «Монастырская жизнь в Речи Посполитой» (2000) под ред. А. Мироновича, У. Павлючука и П. Хомика, а также в этой же редакции «Православное просвещение в Речи Посполитой» (2002). Капитальным трудом можно считать многоаспектный сборник «Христианское культурное наследие славянских народов», посвященный разработке литературоведческих, исторических и лингвистических проблем⁹. Влияние христианства на польскую культуру и некоторые проблемы языковых контактов региона профессионального пограничья изучает ученый из Познани Б. Валчак.

Специфика языка современных носителей Православия в Польше только начинает изучаться славистикой. До сих пор польскими авторами были изданы лишь отдельные статьи, посвященные определенным аспектам данной темы. Непосредственно православной конфессиональной лексикой в современном польском языке занимается Анна Рыгорович из Белостокского университета и Вл. Высочанский из Вроцлава исследует специфику лингвонимов, обслуживающих православные общности в Польше¹⁰. Эти авторы, занимаясь спецификой языка православного населения и классификацией конфессионализмов, а также изучением взаимодействия этнических и конфессиональных факторов в рамках изучаемой общности, раскрывают неповторимую языковую картину, сложившуюся в среде носителей Православия в Польше. Автором данной работы была несколько лет назад опубликована статья, посвященная проекту издания русско-польского словаря православной терминологии¹¹. Словарная работа рассматривается нами как необходимый нормативный момент фиксации соответствий русским религиозным терминам не только в общепольской лексике, но и в речи православного населения Польши. Православная конфессиональная лексика в польском варианте нашла отражение преимущественно в малых учебных одноязычных словарях Э. Смыковской, охватывающих терминологию, связанную с православной иконописью, литургией, обрядами и обычаями¹², а также в дидактических пособиях для православных школьников в Польше. В связи с этим издание переводного русско-польского словаря православной лексики, отражающего также православный вариант польских конфессионализмов и содержащего обширный материал из источников христианской литературы, представляется, действительно, насущным. Следует отметить ориентацию составляемого нами словаря именно на православную лексику, что отличает его от подобных, уже существующих изданий, опирающихся в основном на католическую религиозную терминологию. Здесь можно привести в пример двуязычный «Лексикон христианства» А. Маркунаса¹³.

В статье рассматриваются, как было указано, особенности той части культурно-языкового ареала современной Польши, которую объединяет православное исповедание ее носителей. Что собой представляет этот ареал? Это прежде всего земли, расположенные на востоке Польши, западнее Буга, географически оформленные в два региона: Подляшье и Полесье, часть населения которых можно рассматривать как потомков обитателей Западной Руси. Здесь православные образуют довольно целостную группу, причем на определенных географических островках даже превышающую в процентном отношении католическое население (район Бельска Подляшского). Православие исповедуют в Польше проживающие здесь этнически родственные друг другу восточнославянские народы: белорусы, украинцы, русские, лемки. К православным изначально относит себя также группа населения без четкой этнической идентификации и определенного самоназвания, отождествляющая себя с потомками Древней Руси и считающая себя русскими – именно от Руси, не от России (о специфике данной группы речь пойдет ниже). Приведем здесь высказывание одного из представителей этой группы, опубликованное в журнале «Пшеглонд

Православны»: «Мои предки ... всегда хранили память о том, что их праотцы закладывали основы великой Киевской Руси, которая дала начало нашему народу»¹⁴. Православные есть и среди населения, говорящего по-польски и практически утратившего сознание принадлежности к восточнославянскому этносу. Это так называемые православные поляки, число которых вследствие неизбежных ассимиляционных процессов неуклонно увеличивается. Волею исторических судеб православные оказались расселенными почти по всей территории страны. В результате насильственных миграций населения после Второй мировой войны значительные скопления православного населения возникли на северо-западе Польши и на юго-западе – в Силезии. В языковом и этническом отношении для нас преимущественную ценность представляют более однородные регионы Подляшья и Полесья как исторические наследники культуры Древней Руси и ареал, на котором сосредоточено (особенно в Подляшье) православное население, говорящее на восточнославянских языках и диалектах.

Действительно, Православие в Польше – это не только прошлое, но и живая реальность, определяющая своеобразие традиций, языка и менталитета его носителей. Хотя число православного населения составляет ничтожный процент от общей массы населения (примерное количественное соотношение 1:38), но все же это конфессия, имеющая солидный исторический стаж. Возраст Православия в Польше превышает даже возраст польской государственности, а православная общность на протяжении долгих веков сосуществовала (далеко не всегда мирно) с католическим большинством. Каковы истоки такой жизнеспособности? Каким образом неизбежные процессы ассимиляции и полонизации православных влияют на их язык? Что собой представляет современная православная культура? На эти вопросы невозможно дать ответ без всестороннего изучения того этнокультурного пространства, которое сформировалось на востоке Польши под влиянием православного исповедания. Чем оно держится, благодаря чему существует до сих пор? Этноты теряют самоидентификацию, сохраняя при этом веру, а следовательно, и конфессиональную обособленность. Эта религиозная стабильность показывает, что религия более жизнеспособна, чем языки, в созидании культуры. В хранении и творении культуры основополагающую роль играет духовная заданность вероисповеданием. Сакрализованная энергия, иначе, жизненная сила веры, оказавшись сильнее жизненной силы языка (имеются в виду выходящие из употребления в Польше языки восточных славян), в определенном смысле, подчиняет себе новый для нее язык. Этим новым (с определенной исторической оговоркой, в данном случае не существенной) для православной веры языком является польский, традиционно связанный с католической конфессией.

Что можно понимать под языком Церкви, языком религии вообще? Каких-либо точных дефиниций этого понятия в науке не существует. Обычно он понимается как язык культа, катехизации, гомилетики, богословских текстов и литературы духовного содержания, то есть всех областей религиозной жизни¹⁵. Соответственно, и в область «конфессиональной лексики» следовало бы включить часть словарного запаса, связанного с культом в самом широком смысле¹⁶.

Как сама религия подразумевает существование *sacrum* (некоей тайны, связанной с Божественным Откровением), так и во взаимоотношениях языка и религии кроется глубокая проблема, затрагивающая, как отмечает современный лингвист Н.Б. Мечковская, «стихийные и влиятельные механизмы человеческой психологии и культуры»¹⁷. Язык и религия являются полярными противоположностями по самому характеру содержания. Будучи выражением самой простой и самой сложной картин мира, оболочкой всех форм общественного сознания, с одной стороны, и универсальным содержанием, предопределившим развитие всех других его форм, с другой, они находятся в определенной внутренней связи друг с другом, обусловленной их укорененностью в сознании человека. История религий свидетельствует о том, что вопросы языка имеют особую значимость не только для самих религий, но и для культур, выросших на их почве, так как именно к религии и языку восходят все начала человеческой культуры.

Какой же язык является языком религии, Церкви для православного населения Польши? Речь идет о языке, который использует человек в своей религиозной жизни. И возможно ли здесь вести речь только об одном каком-либо языке? Вопросы неизбежно рождает национальная неоднородность представителей православной конфессии в Польше. Если говорить о языковой ситуации Православной Церкви в Польше в течение последнего столетия, надо принимать во внимание факт употребления в сфере религиозной жизни сразу нескольких языков, зависящий от характера социальной среды или региона. Нельзя не учесть и того, что языки всех выше перечисленных этнических групп соотносены определенным образом также и с языком церковнославянским, как языком, играющим фундаментальную роль в процессе созидания православной культуры, в котором участвуют все исповедующие Православие народы.

Действительно, единого языка, которым бы пользовалась Польская Православная Церковь, не существует. Этот факт отнюдь не умаляет, а, скорее, акцентирует роль церковнославянского, скрепляющего своим историческим авторитетом, подкрепленным, заложенными в нем духовными смыслами, живые языки, на которых говорят носители Православия. В настоящее время можно вести речь о трех разновидностях языка внутри православной конфессии. Это:

- 1) **литургический язык Церкви;**
- 2) **язык проповеди;**
- 3) **живой язык носителей Православия.**

Как видно, первое место в этом ряду однозначно принадлежит языку церковнославянскому, либо просто славянскому, как его чаще называют восточнославянские народы. На Подляшье его называют также староцерковным (либо просто русским или церковнорусским) в связи с его русской литургической редакцией, используемой на землях бывшего Великого Княжества Литовского. Третье место в нашем перечне занимает язык носителей Православия, то есть православного населения, рассеянного ныне по всей территории Польши. Язык этот не является чем-то единым, но представляет живую колеблющуюся стихию от расчлененного на отдельные диалекты (этнолекты) языка по-

томков Западной Руси до обычного польского языка в его (см. ниже) «православном варианте». И, наконец, язык проповеди, упомянутый в нашем перечне вторым. Им тоже, как правило, не является какой-то конкретный язык, за исключением случаев, когда проповедь произносится по-польски. Священник, как правило, обращается к пастве на некоем синтезе (гибриде) языков, в которых стержневую роль играет русский. Дело в том, что статус русского языка в XX столетии был довольно высок, особенно в белорусской среде (вместе с церковнославянским он считался «языком Православия»)¹⁸. Выполняя в структурном отношении роль лексико-грамматической канвы, варьируемой в соответствии с особенностями местного говора, русский язык представляет нечто вроде моста между языком богослужения и локальными диалектами (этнолектами). Остановимся на каждой из перечисленных разновидностей.

Прежде всего попробуем определить, какую роль сакральный язык Православия играет ныне в жизни Польской Православной Церкви, насколько он «жив» в смысле воздействия на духовно-языковую реальность нынешнего Православия. Уже говорилось об органичной укорененности церковнославянского языка в православной культуре Польши. Действительно, это язык – протооснова, который, являясь источником основных духовных смыслов, служит своего рода эталоном и мерилем для живых языков носителей Православия. Церковнославянский язык, будучи эталонным, надэтническим языком Православия, тем не менее в настоящее время уже не является единственным литургическим языком Польской Автокефальной Православной Церкви. Помимо церковнославянского, такую роль в ее жизни выполняет и современный польский язык. Церковнославянский используется в богослужении прежде всего на востоке Польши: на Подляшье и в Полесье. В храмах же центральных и западных регионов Польши (Варшава, Вроцлав, Гданьск, Щецин) обычно служат и по-церковнославянски, и по-польски (ранняя и поздняя воскресные литургии служатся, как правило, на разных языках), либо только по-польски (если приход является полностью польскоязычным). Возможны и такие формы службы, когда в литургию, совершаемую по-церковнославянски, вносятся фрагменты на польском языке (часто это бывает в случаях, когда в связи с какими-то торжествами на литургии присутствуют польские власти – для понимания ими службы).

С момента получения Польской Церковью автокефалии и связанном с этим санкционированном польским государством внедрении польского языка в разные сферы жизни ППЦ у церковнославянского появились надежные защитники, к числу которых следует отнести прежде всего православных верующих, которые в лице своих известных представителей отстаивали незаменимость славянского в жизни Православной Церкви. В 30-е годы таким глашатаем языка Кирилла и Мефодия был белорусский сенатор II Речи Посполитой Вячеслав Богданович, который писал, что для белорусов церковнославянский является «исторической основой народной культуры»¹⁹. В. Богданович подчеркивал роль этого языка как «хранителя и содержателя точного смысла самого богослужения»²⁰ и как общей ценности славянских народов. Подчеркнем, что религиозно-культурное значение славянского языка, о котором говорил сенатор, в

принципе, хотя и в иных условиях, осознается носителями Православия и теперь. Перевод богослужебных текстов на польский отнюдь не означает утраты церковнославянским его основополагающего для Православной Церкви литургического статуса. Церковнославянский язык сохраняет свою знаковую иконическую роль, хотя дискуссии по поводу языка богослужений ведутся на страницах православной польской прессы весьма острые. При этом роль церковнославянского как «словесной иконы» Православия²¹, в принципе, не оспаривается. Более того, для современной Православной Церкви в Польше изучение церковнославянского является одним из ее основных катехизаторских направлений. В рамках этого направления регулярно проводятся конкурсы среди учащихся на лучшего знатока и чтеца славянских текстов. В рубрике «Язык нашей литургии» журнала «Православное обозрение», выходящего на польском языке, регулярно печатаются пространные историко-лингвистические комментарии священника о. Евстафия Страха к славянским текстам. Плоды этих усилий дают о себе знать: интерес к своим корням, к истокам Православия и к литургическому языку, в частности, среди православной общности в последнее время возрастает. Таким образом, не только русскому народу (о чем говорил полтора века назад Н.В. Гоголь), но и ныне православным в Польше принадлежит достойная роль в сохранении этого «елея для святильника веры», как образно называл церковнославянский сенатор Вячеслав Богданович. Благодаря этому языку, как свидетельствуют, согласно социологическим опросам, православные Белосточины, «укрепляется наша вера» и «поддерживаются традиции»²².

Остановимся на характеристике языка проповедей, произносимых священниками в православных храмах Польши. Он может быть различен: белорусский, польский, русский, украинский. То есть здесь происходит выбор одного из языков, на котором говорит православное население Польши. Но чаще всего, применительно к ситуации Подляшья, языком, на котором священник обращается к пастве, является гибрид – смешанный язык, в лексическом отношении приближенный к русскому, в фонетико-грамматическом – к белорусскому²³. Язык проповеди (применительно к району Подляшья) определяется в современных исследованиях как белорусский языковой субстрат, который варьируется в соответствии с особенностями этнолекта²⁴. Такой язык можно условно назвать лингвонимом. Так как под этим термином принято понимать «название языков и диалектов, обслуживающих ту или иную этническую общность»²⁵, в отношении к рассматриваемым общностям можно употребить его с той оговоркой, что здесь объединяющим признаком является конфессиональный фактор. То есть лингвонимом в данном случае является совокупность местных наречий – этнолектов, понятийно опирающаяся на тексты сакрального языка, преломленные в данных наречиях с помощью соответствующих языковых средств. Это явление относится не только к языку проповеди, но и специфике языка местного населения.

Действительно, язык местного населения (преимущественно Подляшья) представляет одно из интереснейших явлений православного ареала Польши. Языковую ситуацию Подляшья отличает размытость этнических рамок – явле-

ние, вызванное существованием на современной территории Речи Посполитой этноса, идентифицирующего себя по конфессиональной принадлежности, вне связи с какой-либо из оформившихся национальностей. Что же это за население? Мы «тутошние» (*tutejsi*), «православные», «русские» (разумеется, от «Руси», не от «России») называют себя они. Соответственно, и говорят они «по-русски», «по-православному» («Мы православные и разговариваем на своем языке»)²⁶. Констатируя свою православность, одна из жительниц подляшского региона добавляет, что она хотела бы, чтобы ее дочь изучала Закон Божий «на этом языке». «У каждой религии свой язык», «введение какого-то другого языка было бы неуместно», – эти высказывания, зафиксированные во время социологических опросов местного населения²⁷ напрямую свидетельствуют о первенствующей роли конфессионального фактора как стержневого для православного населения Польши. «Мы разговаривали на простом языке, по-православному», – вот еще одно высказывание жительницы окрестностей Коденя, иллюстрирующее эту мысль²⁸. Язык таких региональных групп мы отнесли к лингвонимам, маркированным по конфессиональному признаку. Пользующееся им местное население, не причисляя себя ни к какой из выше перечисленных строго очерченных этнических групп (ни к белорусам, ни к украинцам, ни к полякам, ни к русским), использует в качестве самоидентификатора свою конфессиональную принадлежность.

Не прибегая к подробному анализу особенностей «простой», местной речи, подчеркнем в данном случае то, что носителей этих лингвонимов-этнолектов становится все меньше и что переход носителей Православия, особенно молодого поколения, на польский язык, то есть их полонизация, стала реальностью, с которой невозможно не считаться. На фоне этого, несомненно, неблагоприятного для этнолектов факта, роль последнего оплота, препятствующего ассимиляции православного населения в общей массе поляков-католиков, играет не язык, а вера. То есть определяющим для сохранения тождества изучаемой группы населения является, по преимуществу, фактор конфессиональный.

Обратимся теперь к характеристике такого явления, которое можно назвать «православным вариантом» польского языка, как доминирующего в настоящее время в православной языковой среде. Решающую роль в его становлении сыграл перевод православного богослужения на польский язык. Полный текст литургии на польском языке появился совсем недавно, на рубеже II и III тысячелетий. Однако переводы церковнославянских текстов, включая молитвы и отдельные каноны (Канон покаянный), предпринимались в Польше и ранее, начиная с получения Польской Церковью автокефалии от Константинопольского патриархата в 1925 г. То есть польский язык был введен в литургическую жизнь, хоть это и звучит парадоксально, прежде всего, благодаря православной, а не католической литургии. Последняя стала звучать по-польски значительно позже, в 60-е годы, после решения II Ватиканского собора. Важно подчеркнуть, что становлению «православного варианта» польского языка сопутствовало становление новой общности – православного населения, именующего себя «православными поляками». Именно так называет себя все большее число привер-

женцев Православия в Польше. Поиски истоков этого явления ведут к религиозно-политическому движению, которое созрело в конкретной исторической обстановке II Речи Посполитой 30-х годов.

Зарождение и развитие этого движения представляет интерес в связи с его серьезным влиянием на изменение языковой ситуации в православной среде. Его исследованием занимались Ю.А. Лабынцев и Л.Л. Щавинская – авторы уникального труда, посвященного православной книжности в межвоенной Польше²⁹. Начало движения ученые относят к первой половине 30-х годов, когда была создана специальная Комиссия по переводу под руководством епископа Саввы (Советова). Именно тогда и были предприняты первые попытки перевода церковнославянских текстов на польский язык³⁰. Поддерживаемое властями, движение расширялось географически и вскоре заняло весомое место в православной среде. В 1934 г. в воеводском городе Белостоке прошло первое собрание «поляков православного исповедания», на котором прозвучал призыв к духовенству произносить проповеди на польском языке³¹. Движение, первоначально не получившее широкого отклика у православного населения, в скором времени завоевало себе приверженцев, в особенности, когда удалось достичь его организационного оформления. В Белостоке появилось зарегистрированное общество «Дом православных поляков им. Юзефа Пилсудского»; в Гродно, ставшем со временем центром движения, появился «Дом поляков православного исповедания имени короля Стефана Батория». Впоследствии движение распространилось еще шире: новые общества и отделения появлялись не только в Белостокском, но также в Виленском и Новогрудском воеводствах. Будучи немногочисленным (примерно несколько сот человек)³², оно тем не менее завоевало себе прочное положение, завоевывая приверженцев идеей перевода литургических текстов. Церковная иерархия во главе с владыкой Дионисием относилась к нему лояльно. В связи с этим в 30-е годы повсеместно были предприняты попытки введения в церковный обиход польскоязычных православных текстов, которые развивали традицию польскоязычной православной литературы, появление которой относят к 20-м годам. Данные попытки увенчались успехом. Первые переводы молитвенных текстов создавались для детей и воинов. Резкий поворот к польскому языку обозначился в конце 30-х годов, что было связано с политикой властей, взявших курс на тотальную полонизацию, в первую очередь, самих богослужений. Таким образом, применительно к середине 30-х годов можно уже говорить о первоначальном оформлении «православного варианта» польского языка. Упомянутая выше комиссия за довольно короткий срок – в течение двух лет – подготовила переводы текста литургии св. Иоанна Златоуста, Благодарственного молебна и панихиды. Священный Синод ППЦ в 1936 г. в срочном порядке рассмотрел и одобрил эти переводы. Первые торжественные православные службы на польском языке состоялись 11 ноября 1936 г. в день национального польского праздника в присутствии членов правительства и дипломатического корпуса в Варшаве и в 9 других польских городах. Буквально через 5 дней после этого события митрополит Дионисий направил письмо в Министерство религиозных исповеданий и народного образова-

ния с просьбой начать финансирование издания богослужебной православной литературы на польском языке³³. Согласие было получено. Варшавская Синодальная типография и другие типографии Варшавы и Гродно приступили к регулярному изданию польскоязычной православной литературы. В первую очередь были изданы: тексты литургии³⁴, молебна³⁵ и панихиды³⁶. Любопытно, что полонизация православного богослужения, инспирируемая тогда правящими кругами Речи Посполитой, нашла отклик в среде военнослужащих православного исповедания, начавших издавать в рамках своего общественно-религиозного движения православную прессу³⁷. В связи с этим в том же 1936 г. издание православной литературы на польском языке начало осуществляться под эгидой Бюро некаатолических вероисповеданий Министерства военных дел. Редакция бюро напечатала несколько брошюр, первой из которых была брошюра «Православные поляки в Польше», а также объемный молитвослов для военнослужащих «Друг солдата»³⁸. Одновременно стала издаваться и «Православная газета», поставившая перед собой цель интеграции православия с польскими властями и польской культурой.

С середины 30-х годов возрастает также количество научно-богословских и учебных изданий, выходящих на польском языке. Позиция церковнославянского seriously колебалась в пользу польского, когда в 1938 г. последний был объявлен указом Президента Речи Посполитой официальным языком ППЦ. Уже с 1938 г. практически все православные школьные издания выходят исключительно на польском языке. Следует отметить, что молодое поколение православных богословов-студентов Отделения православной теологии Варшавского университета, проникнувшись идеей «единства польского народа», активно пропагандировало ее в своих работах, публиковавшихся в студенческом журнале «Наша мысль»³⁹.

К этому времени активизирует свою деятельность «Православный научно-издательский институт» в Гродно. С января 1939 г. здесь начинает регулярно издаваться ежемесячник «Православное обозрение»⁴⁰. Помимо журнала институт наладил выпуск различных книг и брошюр, а также разнообразных листовок. Издательской удачей института стала публикация польскоязычного сборника проповедей, подготовленного по проекту и при самом деятельном участии священника из Белостока отца Ростислава Олехновича⁴¹. При участии другого священника, отца Павла Калиновича, проводилась работа по выпуску миссионерских изданий. Был издан ряд сочинений о. Павла, в том числе брошюра «Несколько слов о происхождении сектантства»⁴².

Незадолго до начала Второй мировой войны, в июне 1939 г., в Варшаве под председательством митрополита Дионисия состоялось заседание научной комиссии по переводу на польский язык Священного Писания, творений Святых отцов, а также научных произведений из области догматики и других православных дисциплин. Хотя в довоенное время эти планы не сбылись, все же был накоплен определенный опыт переводов церковнославянских текстов, который используется и в современной богословско-переводческой деятельности. Более того, некоторые православные польскоязычные издания межвоенного

периода до сих пор активно используются Польской Православной Церковью. Это касается, прежде всего, учебной, а в какой-то степени также теологической и литургической литературы. Таким образом, уже в межвоенное время роль польского языка в православной среде неуклонно возрастала. Война поставила в новые, чрезвычайные условия и польское государство, и его православное население. Следует заметить, что солдаты Армии Андерса, принадлежавшие к православному вероисповеданию, пользовались молитвословом, польскую версию которого, изданную в Тегеране в 1942 г., подготовил священник Михаил Божерьянов. По-настоящему активная переводческая деятельность, литургических и других богослужебных текстов, возобновилась уже в других условиях, не связанных с политическим диктатом. Речь идет о конце 80-х годов, то есть о периоде возрождения Православия в Польше, но уже в новой реальности, когда перевод стал необходим ввиду изменившейся языковой ситуации в среде православных, определяющейся возрастанием роли польского языка. Священноначалием ППЦ была одобрена деятельность по переводу священных текстов для их параллельного использования в богослужебной жизни Церкви. В результате работы коллектива переводчиков под общей редакцией о. Генриха Папроцкого были изданы в польском варианте Литургия и Всенощное бдение. Параллельно с церковнославянскими печатаются молитвословы, каноны и акафисты в польской версии. То есть Церковь располагает практически всем арсеналом богослужебной литературы на двух языках, так что использование традиционного, церковнославянского языка либо польского строго не регламентируется, но остается на усмотрение клира и паствы данного храма.

В данной работе мы не ставим целью анализировать особенности перевода литургических текстов. Это самостоятельная, обширная и интересная тема, которая может стать предметом отдельного исследования. Отметим, что в результате такой переводческой деятельности осуществляется взаимодействие надэтнического культового языка, каким является церковнославянский, и языка западославянского, относящегося к иному культурному полю, чем языки этносов, исповедующих Православие. Используя параллельные литургические тексты на польском языке, ППЦ отнюдь не умаляет роли церковнославянского либо просто славянского, как принято его называть среди православных.

Возвращаясь к роли литературного наследия «православных поляков», отметим, что экспедиционные поиски, проведенные уже в конце XX в. фиксируют распространенность их сочинений в настоящее время в самой разнообразной среде⁴³. Находят отклик у современных православных верующих, в частности и у духовенства, идейные мотивировки данного движения. В 30-е годы они были сформулированы одним из активистов «Дома поляков православного исповедания им. короля Стефана Батория» в Гродно Дмитрием Куриллой. Смысл их состоял в утверждении древности традиций польского православия, освященного деятельностью учеников Кирилла и Мефодия на этих землях. Справедливость данного тезиса доказывают и последние археологические находки. Однако отсюда делался далеко не бесспорный вывод о том, что возрождение польской государственности с неизбежностью привело и к возрождению

национального самосознания польского православного народа⁴⁴. Отношение к движению «православных поляков» в среде самих православных было далеко не однозначным и весьма критичным. В настоящее время в науке только начинают делаться попытки всестороннего анализа этого движения в контексте исторической эпохи межвоенной Польши и положения Польской Автокефальной Православной Церкви. Проблема, действительно, чрезвычайно насущна, так как эта категория православных верующих в Польше продолжает возрастать, а православная польскоязычная печать к настоящему времени почти совсем вытеснила восточнославянскую. Польский язык, вследствие указанных процессов, приобрел новую конфессиональную нагрузку. Разные его уровни начали по-своему реагировать на эту новую конфессиональную «прививку», вызывая довольно существенные изменения внутри своих структур.

Контакты польского языка и православной культуры особенно активизировались в течение последних 20 лет в связи с процессом религиозного возрождения. Говоря о языковых аспектах этого контакта, следует отметить качественно иной характер взаимодействия языка и конфессии на современном этапе по сравнению с имевшим место взаимодействием в средние века. В период своего становления польский литературный язык впитывал конфессиональную лексику главным образом путем заимствований из латыни в отличие от языков восточнославянских, в которых образование греческих калек преобладало над заимствованиями. Ныне польский язык, испытывая на себе влияние восточнославянской духовности, взаимодействует с восточнославянской языковой стихией на разных уровнях, так что раздвигаются не только его лексические, но также грамматические, и даже синтаксические границы. Восточнославянская религиозная лексика адаптирована польским языком в разной степени. Речь православных поляков (письменная и устная) продолжает оставаться наполненной восточнославянскими «конфессионализмами», что является свидетельством влияния внеязыковых мотивов на наблюдаемую языковую инерцию. Исследование взаимоотношения языка, развившегося в лоне западной латинской цивилизации, с языком, а через него и с культурой, принадлежащей к иной, восточнохристианской цивилизации, неизбежно приведет к постижению глубинных связей, существующих между этносом и конфессией. Между тремя рассмотренными нами языковыми пластами (литургический язык Церкви, язык проповеди и живой язык носителей Православия) продолжается взаимообмен, отражающийся на актуальном состоянии и влияющий на дальнейшее развитие «православного варианта» польского языка. То есть исследуемое явление не является чем-то завершенным, но представляет собой процесс, характеризующийся своей динамикой и особенностями, стержнем которого является литургическая жизнь Церкви с ее священными текстами и принятой в конфессии устоявшейся лексикой.

Очертить строгие границы конфессиональной лексики нелегко. По нашему мнению, ее следует понимать широко, включая сюда помимо терминологической лексики также историзмы, библеизмы, ономастическую лексику и соотнесенный с духовной жизнью конфессии пласт слов из общей лексики —

словом, все богатство лексики, объединенное принадлежностью к православному мировоззрению. Языковую ситуацию внутри Православия отличает варьирование форм польских и восточно-церковнославянских. То есть наличествует коллизия выбора, когда во время речевого акта либо в процессе создания письменных текстов реализуется возможность употребления одной из них. Этот выбор, являясь чаще всего воспроизведением той формы, которая принята в данной среде (социуме), содержит вместе с тем также определенный момент оценки, связанный с установлением иерархии внутри языкового материала и мотивируемый уже не лингвистическими, но внеязыковыми критериями. Каждый православный, таким образом, становится не только пользователем, но и создателем православной терминологии. В устной речи, в материалах популярных газетных и журнальных публикаций преобладает лексика восточнославянская (в печати во многих случаях она передается через курсив). В литературном языке научных публикаций, как правило, отдается предпочтение формам либо польским, либо, если речь идет о теологических понятиях, ориентированным на греческую терминологию. Как бы то ни было, возможность выбора, являясь предпосылкой творческого акта, в результате которого рождается соответствующая языковая форма, свидетельствует **о динамичном состоянии словесной культуры православной Польши, созидающей в своих недрах язык Православия применительно к новой общественно-исторической реальности.**

¹ Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969. С. 257. Флоренский П. Богословие культа. // Богословские труды. 1977. № 17.

² Катасонов В.Н. Христианство, наука, культура. М., 2005. С. 45.

³ Ильин И.А. Основы христианской культуры. СПб., 2004. С. 28.

⁴ Цит. по: Петерсон М.Н. Введение в языкознание. М., 1928. С. 3.

⁵ Архиерейский собор Русской православной церкви. Документы. М., 1994. С. 12.

⁶ Катасонов В.Н. Христианство, наука, культура. Указ. соч. С. 37.

⁷ Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993. С. 808.

⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа, М., 1991.

⁹ Chrześcijańskie dziedzictwo duchowe narodów słowiańskich. Białystok, 2003.

¹⁰ Там же.

¹¹ Федюкина Е.В. О проекте издания русско-польского словаря православной терминологии // Вестник Международного Славянского Университета. МСУ, М., 2003. С. 78–79.

¹² Smykowska E. Ikona; Liturgia prawosławna; Zwyczaje i obrządy, Verbinum. W., 2002; 2004; 2006.

¹³ Leksykon chrześcijaństwa. Red. A. Markunas, T. Uczitel. Poznań, 1995.

¹⁴ Przegląd prawosławny, luty, 2004. S. 46.

¹⁵ Wysoczański W. Lingwonimy – wyznaczniki tożsamości w nazwach własnego i obcego etnolektu // Chrześcijańskie dziedzictwo duchowe narodów słowiańskich. Białystok, 2003. С. 469–470.

- ¹⁶ Rygorowicz A., Kuźma A. Parę uwag o profesjonalnej leksyce konfesyjnej we współczesnym języku polskim // Там же. С. 493.
- ¹⁷ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998. С. 3.
- ¹⁸ Лабынцев Ю.А. Всеми православному миру. М., 1995. С.11.
- ¹⁹ Цит. по: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. «Белорусская душа» – пространство взаимосвязи между польской и русской душами»: Литературное наследие сенатора В. Богдановича // Польская и русская душа. Современный взгляд. Лодзь, 2003. С. 163.
- ²⁰ Там же. С. 170.
- ²¹ Камчатнов А. Сакральный славянский язык в Церкви и культуре // Богослужебный язык Русской Церкви. М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. С. 229.
- ²² Czykwin E., Misijuk D. Dwujęzyczność i dwukulturowość. Białystok, 1998. S. 38–39.
- ²³ Cyhun H. Białoruski wariant języka kreolizowanego (trasianka) // Acta universitatis Łodziensis. Folia Linguistica. 1999. № 38. S. 4.
- ²⁴ Wysoczański W. Указ. соч. С. 478.
- ²⁵ Непознак В.П. Этнонимика. // Большой энциклопедический словарь. Языкознание, гл. ред. Ярцева В.Н. М., 1998. С. 598.
- ²⁶ Czykwin E., Misijuk D. Указ. соч. С. 39.
- ²⁷ Там же. С. 38–39.
- ²⁸ Dużyńska M. Język a świadomość odrębności grupowej na przykładzie wybranych wsi drobnoszlacheckich i chłopskich z okolic Kodnia // Język a kultura, red. J. Anusiewicz i J. Bartmiński. T. 1. Wrocław, 1991. S. 177.
- ²⁹ Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Литературное движение православных поляков // Славяноведение. 2000. № 3, С. 81–87.
- ³⁰ Prawosławna Informacja Prasowa. 1934. № 34.
- ³¹ Kalina M. Polonizacja Cerkwi prawosławnej w województwie białostockim (1918–1939) // Białoruskie zeszyty historyczne. 1995. № 2. С. 99.
- ³² Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Указ. соч. С. 82.
- ³³ Archiwum Akt Nowych. MWP i OP. 1258. L. 147.
- ³⁴ Święta Liturgia Świętego Jana Złotoustego. Warszawa, 1936.
- ³⁵ Nabożeństwo dziękczynne w dniach świąt Państwowych. Warszawa, 1936.
- ³⁶ Panichida, czyli Nabożeństwo za spoczywających w Panu. Warszawa, 1936.
- ³⁷ Br. Miron, Z dziejów Prawosławnego Ordynariatu Wojskowego w Rzeczypospolitej // Chrześcijaństwo. Kościół. Prawosławie. Białystok, 2003. S. 34.
- ³⁸ Православная Церковь в Польше в древности и сегодня, под науч. ред. Л. Адамчука и А. Мироновича. Варшава, 1993. С. 148.
- ³⁹ Nasza myśl. Pismo wychowanków Państwowego Internatu dla Studentów Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Józefa Piłsudskiego. 1937–1939.
- ⁴⁰ Przegląd prawosławny. 1939. № 1–8.
- ⁴¹ Kazania, pogadanki i przemówienia religijne. T.1. Grodno, 1939.
- ⁴² Ks. Paweł Kalinowicz. O pochodzeniu sekciarstwa słów kilka. Grodno, 1939.
- ⁴³ Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Указ. соч. С. 86.
- ⁴⁴ Kuryło D. Polacy Prawosławni na Chełmszczyźnie Głos Prawosławia, 1938. 11. XI. S. 8.